

ЛЮДМИЛА ЗАЙКИНА

Вы не пришли на чай....

РАССКАЗЫ

Людмила Зайкина

Вы не пришли на чай.... Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22972017
ISBN 9785448376030*

Аннотация

Истории о любви. Романтизм и приключение. «Вы не пришли на чай» – рассказ в письмах княжны графу, в которых развивается история их любви... «Грушенька» – любовь крепостной к барскому сыну...

Содержание

Вы не пришли на чай	5
Письмо первое	5
Письмо второе	7
Письмо третье	11
Письмо четвёртое	14
Письмо пятое	17
Письмо шестое	21
Письмо седьмое	26
Письмо восьмое	34
Письмо девятое	40
Письмо десятое	46
Письмо одиннадцатое	50
Письмо двенадцатое	55
Письмо тринадцатое	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вы не пришли на чай....

Рассказы

Людмила Зайкина

© Людмила Зайкина, 2017

ISBN 978-5-4483-7603-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вы не пришли на чай

Письмо первое

Здравствуйте, Илья Петрович.

Вы не пришли на чай и за это я вам благодарна, не переживайте ничего страшного для вас не произошло, и не думайте, что мне без вас, Уважаемый, было скучно.

Заходил сосед Иван Иванович, принёс чашку наивкуснейшей малинки, ну мы её и откушали вместе. А затем, простите, чайком побаловались, из самовара, да под пушистыми ветками яблони, благоухающими цветами, которые росли поблизости аромат, коих нас просто накрыл.

Пили чай, вкушали варенье, благо его было всякого, перечислять не буду, а то вам захочется присоединиться к нашей доброй компании, хотя мы не возражаем с Иваном Ивановичем, он полностью со мной согласен. Было у него сомнения, но тут же были мною развеяны.

Ну, так вот, прошу прощенье, отвлеклась. Вели мы с ним непринужденную и весёлую беседу. Иван Иванович принес гитару и пел романсы, и поверьте, Уважаемый, мы получили

огромное наслаждение: я от его пения, у него очень красивый бархатистый голос, просто заворожил, а он от того что пел для меня и только для меня.

Уважаемый граф, я даже рада, что вы не пришли, а то не было бы этого прекрасного вечера. Простите, забыла вам сказать, Иван Иванович тростью, которая была при нём, сбивал яблоки. А я ловила подающие плоды в его шляпу. Не поверите – было очень весело.

Иван Иванович не мог ну никак сбить одно яблоко, на кое я указала и оно, не сомневайтесь, стоило моего внимания: большое, желтое с красным бочком, только Иван Иванович на табурет встал, взмах тростью, легкий удар и яблоко улетело, мы его долго искали. Нашли его в кустах колючего крыжовника, увешанного спелыми ягодами, как же порадовали нас своей сладостью и кислинкой. Яблоко достал Иван Иванович, и тут ему опять пригодилась трость, ею он отодвинул колючие ветки крыжовника.

Простите, яблоко мы решили оставить вам, Уважаемый, как приз за то, что вы не пришли, но не знаем, как вам его передать: либо посылкой, либо нарочным.

*С пожеланием всего вам, Илья Петрович, наилучшего
Мила Марковна.*

Письмо второе

Здравствуйте, Илья Петрович

Вы вчера не пришли на чай, и я вот, что подумала, что-то тут не так, вы наверно запамятовали, и поэтому не пришли. А в моей голове всякое думается. Может, что случилось или по службе что? А, может, у вас барышня появилась?

Глашеньку к вам с письмом посылала. Вас, граф, дома не оказалось. Васька сказывал, что отъехали вы, по служебным делам в город N.

Все служба да служба, дома совсем не бываете. Не жалеете вы себя, Илья Петрович.

Глашенька письмо Ваське и оставила, чтобы, значит, вам передал.

Огорчилась я, что вас не было, так хотелось с вами встретиться, ну теперь, что поделаешь, как приедете, пришлите весточку о своём прибытии.

Ой, не все вам отписала про Глашеньку, совсем забыла. Не пойму, что с ней приключилось: прибежала, вся трясёт-

ся, глаза прячет, на меня не смотрит, платье дрожащими руками поправляет. Удивила она меня очень, всегда веселая, а тут..., что ж такого случилось, что ввергло её в такое состояние?

Спросила я её, что случилось, что так волнуется, а она молчит и не смотрит на меня, будто стыдится чего. Я настойчива была. Тут Глашенька в ответ, не поверите, вдруг расплакалась и убежала, чем оставила меня в недоумении.

И ещё в волосах её была орхидея белая, точь-в-точь, как у вас, на подоконнике, в горшке растущая. Тут я и подумала, не случилось ли у вас в доме чего с Глашенькой неподобающего?

Вас ведь, граф, в городе нет! И ещё платье на ней мятое. Может, кто из дворовых ваших её обидел? Вы уж по прибытии разберитесь, сердечно вас прошу.

Вот ещё, вчера, когда стемнело уже, мы с Иваном Ивановичем чай вкушали, жутко, как мне было, кто-то к нам в сад заглядывал, через палисадник. Я тут же и в обморок пала, от ужаса охватившего меня.

Хорошо Иван Иванович рядом был, подхватил на руки, не дал упасть. Брызнул мне водичкой в лицо, я и очнулась.

Посадил меня на стул, шалью, заботливо так накрыл, а сам пошёл посмотреть, кто это посмел за нами следить, да ба-рышень пугать.

Долго его не было. Волноваться я уже начала, хотела на поиски пойти, как тут он из темноты и вышел, серьёзный такой. Я к нему с расспросами, что да как и поведал он мне неожиданную историю.

Глашенька, скромница наша, в неглиже, через палисадник, да незнакомцу на руки прыг, и скрылась с ним вблизи росшем кустарнике. Удивительно было мне поведение её! В воскресенье свадьба у неё с конюхом нашим Гришей. Как жениху в глаза смотреть будет? Бестыдница!

Ну, что это я о прислуге. Иван Иванович приглашает на рыбалку, вот и думаю принять мне приглашение, али нет? Что посоветуете, Илья Петрович?

У вас наверно свободного времени нет. Всё в трудах, всё на службе, а то бы вместе да на речку, рыбку ловить, да свежим воздухом наслаждаться.

Не смею предложить вам, граф, присоединиться к нашей дружной компании. Боюсь услышать отказ, да и вам будет неловко мне отказать.

А рыбку я вам пришлю через Аглаюшку. Глашенька всё на конюшне, да на конюшне. Гришеньке своему помогает: навоз чистит, да коням гривы расчесывает. Тайну мы её теперь знаем, хотя и не признается. Пытала её, совестила, так она молчит, глазки прячет. Видно стыдится, либо для виду только. Через два дня с Гришенькой в церковь, под венец пойдёт.

Яблоко мы с Иваном Ивановичем съели, не пропадать же. Было оно сладкое, с лёгкой кислинкой.

Какой букет! Иван Иванович пожаловали. Господи, его и не видно совсем, из-за цветов... мои любимые! Белые орхидеи! Иван Иванович просто душка!

*На этом прощаюсь с вами, граф
Мила Марковна.*

Письмо третье

Здравствуйте, Илья Петрович.

Вы не пришли на чай, в том вины вашей нет. Я узнала об этом от вашей кузины Натальи Николаевны, вчера она соизволила навестить меня. Визит был её неожиданным для меня. Я подумать не могла, что она ко мне прибудет.

Глашенька накрыла на стол под все той же яблонькой, под которой мы с вами не один раз встречались.

Так вот мы пили чай и вспоминали о вас, вокруг была тишина. Только воробушек, видно его что-то тревожило, щебетал, сидя на ветке и склонив головку, подглядывал за нами. Было так забавно за ним наблюдать.

Наталья Николаевна рассеяла все мои сомнения, возникшие супротив вас, Илья Петрович. Она рассказала, что вы звали вас на службу, неожиданно, и не было возможности у вас сообщить мне об отъезде.

Так же Наталья Николаевна передала от вас письмо, в коем вы сожалеете, что не пришли на чай и тут же упрекает меня в том, что я принимаю, у себя в доме, Ивана Ивановича. Так, что ж с того?

Зря вы гневаетесь по поводу Иван Ивановича он ведь мне, как брат и к тому же опекун, в отсутствии маменьки с папенькой.

Глашеньку за конюха Гришку мы не выдали. Перед самой свадьбой в ноги мне пала, просила слёзно: за Гришку не отдавать, не любит вишь его. Смилоствовала я над ней и свадьбу-то и отменила.

Иван Иванович очень её жалеет. Обещал подыскать ей хорошего жениха. Но Глашенька рассказывает, что у неё уже есть жених и, что тот обещал, на ней жениться, в чём, Иван Иванович, по секрету мне сообщил, сомневается очень.

На рыбалку мы так и не пошли. Был ливень невиданный, с грозой. Молнии так и разрывали небо, темно стало, громыхало необыкновенно, так и пробыли мы дома весь день.

И ещё одна новость: завтра придет моя любезная приятельница, вы, с ней знакомы. Настасья Павловна и какое совпадение, она была в том же городе, что и вы сейчас. Вы случайно её там не встречали?

На этом прощаюсь с вами.

*Наталья Николаевна торопится очень. Через неё, для вас
письмо и передаю!*

Мила Марковна.

Письмо четвёртое

Здравствуйте, Илья Петрович.

Я на вас гневаюсь необыкновенно.

Об эту пору Васька принёс от вас записочку, в коей вы сообщаете о своём возвращении и просите вас принять.

Да как вы смеете? После того, как я про вас узнала?

Накануне заходила Настасья Павловна, как я вам писала, она была в том же городе, что и вы, так вот рассказала мне пренеприятнейшую новость. Про вас, граф, и Татьяну Сергеевну.

О том, как вы были на балу, где вас видели, как танцевали и любезничали весь вечер, не отходили друг от друга, и с бала вы уехали в одной карете. И, как вы думаете, Илья Петрович, что я должна подумать о вас?

И всё это происходило в тот час, когда я ждала вас на чай. А вы в это время развлекались на балу, с известнейшей всем особой легкого поведения.

И ещё когда Настасья Павловна ко мне была в пути, ви-

дела вас и Татьяну Сергеевну, как прогуливались вы по набережной, держа её под руку, что-то шепча ей на ушко, и она смеялась так громко, что все оборачивались на вас.

Было понятно, что ваша симпатия взаимна и вы к этой особе неравнодушины. А когда вы кормили лебедей, Татьяна Сергеевна вдруг поскользнулась и вы, подхватив её на руки, закружились, прижимая к себе.

Настасья Павловна была возмущена увиденным и поспешила мне рассказать, так как мы с ней приятельницы, также видя мои слёзы, сказала, чтобы я вас гнала из сердца вон.

Что вы известный ловелас и хотя вы обаятельный волокита, от вас надо держаться подальше, и на прощанье сказала, что ничего хорошего у нас с вами не выйдет и, оставив меня в расстроенных чувствах, уехала.

Как горько мне было от услышанного про вас. Вы ведь восхищались мной, дарили цветы, говорили открыто, что любите, а сами тем временем с другими барышнями..., как это возможно? Задаюсь я вопросом.

Непростительная глупость была с моей стороны, довериться вам, и иметь такую неосторожность полюбить

вас, граф Илья Петрович! Как же я ошиблась в вас!

Так вот, граф Илья Петрович Муромцев... и почему мне так больно?

Иван Иванович пожаловали, как же он огорчится, что не застал Настасью Павловну, влюблен в неё он тайно, вот кто будет верен любимой до самой смерти!

С тем и прощаюсь с вами, граф.

Мила Марковна.

Письмо пятое

Здравствуйте, Илья Петрович.

Хоть вы и сделали мне больно, и гневаюсь я на вас, решила ответить на ваше послание, которое принёс, в это раннее, утреннее время, посыльный, когда мы с Настасьей Павловной и Ольгой Александровной пили чай, под той же яблонькой, где ждала вас на чай, в известный вам час.

Вы не представляете, какая утренняя благодать, нежный ветерок раскачивал кусты роз, рассыпая их сладчайший аромат, смешивая с запахом спелых, наливных яблочек, что наполняли вазочку перед нами, а как в клетке заливался соловушка, принесенный вчера Иван Ивановичем.

И были мы в наилучшем настроении от прекрасного утра и общения друг с другом, при этом нечаянно я проговорила, что вчера был Иван Иванович. Знали бы вы, граф, как огорчилась Настасья Павловна, как погрустнели её глаза и, чтобы успокоить её, мне пришлось рассказать подробнейшим образом о визите князя.

О том, как Иван Иванович огорчился и сокрушался, узнав, что опоздал буквально на несколько минут и тут же готов был сорваться с места, и бежать за каретой, увозившей его

Настасью Павловну.

Пришлось мне силой удержать взволнованного князя, я таким его ещё не наблюдала, о чём я очень пожалела впоследствии.

Иван Иванович, весь вечер, сидя в кресле, прижав клетку с соловьём к груди и не замечая этого, только и говорил о своей возлюбленной, о том какая она очаровательная и прекрасная барышня, не забыв упомянуть о её благовоспитанности и строгости, и в то же время веселости её характера.

Вдруг князь резко засобирился, сунув клетку с соловьём мне в руки, пробормотал, что это мне, тут же откланялся, вскочив в карету, умчался, чему я несказанно была рада.

А, при моём рассказе о визите Ивана Ивановича, мы с Ольгой Александровной заметив волнение Настасьи Павловны, стали уверять её в том, что скоро князь ей сделает предложение. На что она ещё больше смутилась, покраснела лицом, глазки скромно опустила, и вдруг вскочила, и в тот же миг, убежала в сад, нам стало понятно, что наша барышня влюблена и чувства её небезответны. Взаимны.

Какие же они счастливые. Как повезло нашей приятельнице в женихе. Князь, богат, верен ей будет, в том нет ни малейшего сомнения... не то, что вы, граф, верности в вас совершенно нет.

Что же касается вашей записочки, Илья Петрович, в которой вы уверяете, что всё, о чем мне рассказала Настасья Павловна, это просто недоразумение, и что на балу танцевали с некой дамой только по той лишь причине, что она вам приятельница и, что ввиду дурной славы Татьяны Сергеевны с ней никто не хотел вальсировать.

Какая доброта с вашей стороны, граф. И по той же самой доброте вы уехали вместе, в одной карете? Свидетели этому многие – кто был на балу.

Также вы пишете, что любите меня, как прежде, и клянётесь в верности, в чём я глубоко сомневаюсь, и настойчиво просите принять вас, в чём, опять же, я не вижу смысла, по крайней мере, сейчас!...

Вы даже не можете представить, как больно и горько мне слышать и знать.

И хотя обида изъедает, душу мою губит, я о вас вспоминаю – в саду ли гуляю, книгу читаю... все наши встречи пе-

ред глазами так и плывут, как кораблики, что в детстве мы пускали. Помните ли вы то...

Сейчас у вас, Илья Петрович, новая забава – сердца барышень разбивать! Не мучьте вы меня больше! Великая просьба к вам, граф.

Иван Иванович пожаловали, да не один!...

На этом прощаюсь с вами, Голубчик.

Мила Марковна.

Письмо шестое

Здравствуйте, Илья Петрович.

Что ж вы так себя изводите, и часа не прошло, как я отправила посыльного к вам с письмом, а он уже вон, в колокольчик звонит, ответ от вас доставил. Я просила вас сердечно, не мучить меня своими посланиями.

Но вы настойчивы в своем желании повидаться и объяснитьсь мне.

И так неотступны, в своем намерении, что вызываете лишь волнение чувств моих и желание отказать вам в просьбе принять вас, Илья Петрович.

Хотя и убеждаете меня, что надо вам срочно отбыть в город N, и не знаете когда возвратитесь. Что на это сказать? Только пожелать доброго пути.

Так же вы, граф, любезно спрашиваете об Иване Ивановиче, к которому относитесь пренебрежительно. Зачем же это делать, коли человек вызывает в вас, лишь раздражение и неприязнь?

И тут же просите прощение за то, что посмели упрек-

нуть меня, что я принимаю князя у себя.

Вас, граф, можно понять, какому мужчине такое понравится, что не с ним, да ещё под яблонькой, среди цветов неувядающих и источавших нежнейший аромат, где когда-то сизживал сам, а теперь ещё и под пение соловья, ба-рышне чай попивать с другим. Признаюсь – это просто превосходно.

А помните, Илья Петрович, как были прекрасны времена, когда мы только познакомились?

Приходили вы каждый день и всегда приносили огромный букет превосходнейших лилий, и всегда, я замечала краем глаза, улыбались, видя, как я просто тонула в цветах, настолько букеты были огромны и великолепны.

Потом гуляли в саду...

Вспоминая то время, сердце мое волнуется, душа тоскует, теперь этого не будет, как прежде и от этого мне больно и горько.

А, когда мы собирались нашей дружной компанией, было восхитительно.

И кто тогда мог подумать, что у Настасьи Павловны и Ивана Ивановича случится любовь.

Как любопытно взирать на них.

Когда между ними не было чувств и они подшучивали друг над другом, а теперича изменились очень, Иван Иванович ни на минуточку от Настасьи Павловны не отходит, в глазки ей старается все заглянуть, а она смущается и только изредка на князя глянет, да так что если этот взгляд кто увидит, сразу поймёт, как князь ей по душе пришёлся.

Только Иван Иванович удалится чуть в сторону, Настасья Павловна за ним украдкой следит, а если князь неожиданно повернётся, она тут же взор в сторону отводит.

Вспомнился мне бал, на котором мы познакомились. Как я к нему готовилась, платье мне сшили белое, как оно мне нравилось, своей воздушностью и белизной. В нём я себя чувствовала принцессой и была в надежде, что встречу своего единственного принца... встретила!

На балу мы были всё той же компанией с Настасьей Павловной, Иваном Ивановичем и Ольгой Александровной и тут явились вы, граф,... не один, с вами была девушка ослепительно красивая и невероятно милая.

Вы были великолепною парой, постоите вы ведь тогда уже были с Татьяною Сергеевною, о Боже, как же об этом запаматовала.

Тогда-то я впервые услышала про вас, Илья Петрович, что вы самая скандальная пара.

О вас шептались две дамы, хотя и с восхищением взирали на вас, как и все присутствующие, и в том числе мы. Все были заморожены вашей красотой и вашей спутницы, они говорили, что у вас любовная связь. О, как же я этого не услышала.

Вальс. Зазвучала музыка. Кружились пары.

Вашу спутницу увёл какой-то ловкий кавалер, и вы остались один.

Вдруг ваш взор упал на меня.

Сердце мое бешено забилося, готовое выпрыгнуть, настолько взволновали вы меня. Вы шли ко мне.

О, как вы вальсируете. Как вели меня, нежно прижимая к себе, как кружили, я просто летала в танце, в чувствах,

такой восторг был тогда, но всему бывает конец.

Вы вернули меня на землю и следующий танец, как и последующие, были не со мной, и ни разу ваш взгляд не падал на меня...

Как я тогда переживала.

Весь вечер вы танцевали с Татьяной Сергеевной. Вы были единым целым.

Её улыбка была только для вас, а как вы смотрели на неё, с любовью и нежностью, как же я этого не видела, как же я была слепа и глуха, и только сейчас вспомнила тот роковой вечер.

Я всё поняла, граф, какой вы коварный, и какова ваша ловкость разбить сердца двух девиц!...

Пришли Иван Иванович с Настасьей Павловной, мы собираемся прогуляться по набережной...

*На этом прощаюсь с вами граф, Муромцев
Мила Марковна.*

Письмо седьмое

Здравствуйте, граф Илья Петрович.

Получив от вас письмо, в котором пишете, что все прекрасно помните, в особенности первую встречу нашу, на балу, где я вас поразила своей юной красотой. Как вы умеете не скупиться на восхваления, Илья Петрович.

Так же пишете, что тогда были обстоятельства особенные, по которым не могли уделить мне большего внимания, и что с Татьяной Сергеевной вас связывают только приятельские отношения, и тому Бог свидетель. Я могу поверить вам. Но, как же тогда слухи о том, что вы являетесь любовниками, и к тому же открыто, и не скрываясь, появляетесь на людях?

Что вызывает сомнения в правдивости ваших слов, граф!

Как я писала в прошлом послании вам, граф, что собираемся на набережную, так мы с Ольгой Александровной всё-таки совершили прогулку, при которой и встретили вашу приятельницу Татьяну Сергеевну.

Что меня очень изумило так то, что она была не одна, а с кавалером, держащем её под руку, и о чём-то весело бе-

седуя, шли нам навстречу.

Как же так, Илья Петрович, вы ещё не уехали, а Татьяна Сергеевна с другим? Да в самом людном месте? И выглядит необыкновенно счастливой. Этот случай нас с Ольгой Александровной очень удивил.

Заметив нас ваша приятельница, как вы утверждаете, граф, улыбаясь самой добродетельной улыбкой, направилась к нам, видимо намереваясь что-то сообщить, но кавалер настойчиво так, держа её под руку, увлёл к набережной.

Тут присоединились к нам Иван Иванович с Настасьей Павловной и незнакомым доселе мне молодым человеком. Которого тут же представили, как Антоном Григорьевичем, поручиком служившего в каком-то полку.

Был он не дурен собой, хотя, вам он и в подметки не годился, всё то, время, что мы гуляли, был весел и старался мне понравиться, что было мне вовсе не по нраву. Вызывал протест в моей душе. Желалось мне быстрее покинуть его общество.

Видя моё равнодушие к нему, старался ещё больше.

Как мне хотелось, чтобы он безвозвратно исчез, рассе-

ялся, как дым, но нет же, настойчив был в желании понравиться, чем и породил, только раздражение.

Гуляя мы незаметно отделились от набережной и оказались возле театра, где как раз вот-вот должен был начаться, мной любимый спектакль.

Оставалось минут пять до начала, вы помните, Илья Петрович, мы с вами смотрели его вместе и, это было неизбежно.

И каково же было мое удивление, когда Антон Григорьевич предложил нам всем пойти на представление.

К сожалению, отказались все, кроме меня, ибо искушение было чрезмерное, посмотреть ещё раз спектакль, и я согласилась, чем совершила большую ошибку.

Поручик, отлучился на несколько минут и, вернувшись, принёс билеты в ложу. Какая глупость была с моей стороны не задуматься о последствиях, которые последовали незамедлительно по окончании спектакля.

Я могу вам, граф, объяснить почему поступила так.

Потому лишь, что сразу вспомнила, как мы с вами сиде-

ли в ложе, смотрели этот же спектакль, вы чуть позади, чтобы не мешать мне, получать удовольствие от действия, вокруг меня витал аромат роз, подаренных вами, Илья Петрович.

По окончании спектакля, были мы в холле с Антоном Григорьевичем, который взяв меня за руку, начал сыпать комплименты, которые не пришлись мне по нраву, и вызвали недовольство, с моей стороны, его поведением, сказав, что при первом свидании негоже хватать барышень за руку! Не попрощавшись, вышла из театра.

И как же велико было мое разочарование: все экипажи разъехались, я просто стояла в растерянности. У меня не было желания встречаться с этим поручиком.

Сколько ж во мне было отчаяния, что я была готова прослезиться, но неожиданно, и на радость мне, передо мной остановилась карета.

Не поверите, граф, это был Иван Иванович, обеспокоенный за меня вернулся к театру. Как потом объяснил своё появление тем, что не доверял поручику, который уж больно настойчиво просил познакомить его со мной.

Узнав, из моего рассказа о произошедшем в театре

и недостойном поведении Антона Григорьевича, верный мой друг и защитник Иван Иванович, тут же хотел наказать наглеца. Но я не позволила свершиться скандалу, ибо все узнают о моём проступке: пойти в театр с малознакомым господином и без сопровождения. Думается мне: вы меня осудите,... а, после того, что произошло далее и вовсе выбросите не только из сердца,... но мне хочется поделиться с вами... вы должны знать от меня...

Так вот, тут мы увидели, что поручик выбежал из театра и направился к нам.

Господи, как моё сердце тревожно забилося.

Быстро усевшись в карету, при помощи Ивана Ивановича, который тут же приказал Стёпке гнать, отъехали скорее, что не позволило поручику подоспевшему к карете и готовому открыть дверцу, но я сумела узреть, какими глазами он нас проводил. Взгляд его чёрных глаз из-под вскинутых бровей, был недобрый и не сулил мне ничего хорошего.

Всю дорогу Иван Иванович успокаивал меня и когда, наконец, мы оказались возле распахнутых дверей дома моего, он распрощался и уехал, сказав на прощанье, чтобы двери и окна закрыли, и приказал слугам: «Берегите столь прелестную барышню! Не сомневайтесь, спрошу строго, ежели что слу-

читься...»

Сердце моё было беспокойно, тревожно на душе. Предчувствие чего-то плохого преследовало меня. Немного постояв возле двери, я наконец решилась, зайдя в дом, вдруг остановилась от ужаса, охватившего всё моё существо.

От неожиданно послышавшегося женского вскрика, который и поверг меня в это состояние. Набравшись смелости, я прошла к двери, ведущей в столовую, заглянула и, увиденное привело меня в полубоморочное состояние.

Там, за дверью стоял он. Как вы думаете кто? Поручик!

Накрыв ладошкой рот Глашеньки, нагло мне улыбался. От ужаса обуявшего меня, не могла и слова молвить. Позвать на помощь. Так и стояла на него смотря в оцепенении.

Нечаяла я, как он оттолкнув девушку, кинулся ко мне..., если бы не крик Глашеньки, я бы так и стояла, но услышав: «Бегите, барышня!!» Я словно очнулась, толкнув дверь в его сторону, которая ударила подлеца (простите за непотребное слово), прямо в лицо, вы бы слышала, как он ругнулся, не каждый так умеет, поверьте.

Подхватив подол платья, вот когда я пожалела о его дли-

не, побежала, но негодяй меня настиг на лестнице, где навалившись всем телом, повалил, и тут же дал волю рукам своим.

Как же это было противно, лицо столь приятное в недавнем времени было искажено злостью, и простите, взгляд его источал огонь не знакомый, тревожный для меня...

Я боролась, поверьте, Илья Петрович, как могла, но силы мои были слабы по сравнению с его, мерзость какая, и вдруг он упал на меня бездвигжно.

Подняв глаза я увидела Глашеньку с чугунным сотейником в руках, который тут же выпал из рук её и угодил, как раз негодю по затылку, но он не почувствовал ничего, так как находился в беспамятстве.

На шум прибежали Гришка с Никонором. Вы помните Гришку, бывший жених Глашеньки и садовника Никанора. Так они связав подлеца, вывезли и оставили на набережной.

Вот такая оказия случилась со мной, граф Илья Петрович, но всё в прошлом.

Обо мне можно не беспокоиться под окном Никанор, за дверью Гришка, Глашенька нынче в моей спальне спать

будет.

На этом прощаюсь с вами, граф.

Мила Марковна.

Письмо восьмое

Здравствуйте, граф Илья Петрович.

Проснулась я сегодня, а вокруг благоухание роз. Были цветы везде: в вазах стоящих по всей моей спальне и на подушке, какие же они прекрасные, пушистые, запах источали изумительный.

Удивилась я очень.

Сразу о вас и подумалось мне. На это только вы способны. Когда успели? Ведь вчерашние события не позволили мне рано лечь поживать, припозднились мы нынче ночью.

Огляделась я, а Глашеньки поблизости то и нет, пришлось в колокольчик позвонить. Она быстренько и прибежала, видно за дверью стояла, так виновато на меня посмотрела и глаза в сторону, в сторону. Почувствовала я неладное что-то произошло, ибо на ночь сонного порошка, разбавленного, водичкой выпила, спала, как младенец, ничего не слышала.

Спросила её, откуда, мол, цветы?

Странно как-то молчит, фартук мнёт. Пригрозила ей,

что на конюшню отправлю коням гривы чесать, да навоз чистить, сразу глазки подняла, а в них неподдельный ужас.

— Всё, — говорит, — расскажу, как на духу, только не надо на конюшню, Гришка там пристаёт, все замуж зовет, а я не хочу.

В ноги мне пала. Что за привычка такая — падать, будто это что-то изменит? Коли уж виновата, — надо ответ держать.

Повинилась, рассказала, как вы на заре, ваше сиятельство, как мальчишка какой-нибудь, прямо через окно в мою спальню и спрыгнули, чем её, Глашеньку и испугали. Приказали, чтоб молчала и ещё, чтобы спустилась вниз, за цветами.

Глашенька сопротивлялась, как могла вашим приказаниям сказывала: «Так нельзя к барышням в спальню, да ещё и ночью». Но вы были неумолимы.

Тогда она, выглянув за дверь, позвала Гришку, а сама осталась с нами, знала негодница, что теперь ей не миновать конюшни, если барышня прознает.

И ещё Глашенька сообщила, что на рубашке вашей пят-

но красное, кровь наверное, что огорчило меня несказанно, в голове сразу промелькнуло: не с поручиком ли вы дрались?

Тут Глашенька вдруг вспомнила, что письмо вы оставили для меня, я его скоренько и прочитала, где были подтверждения моим подозрениям. В нём вы уверили меня в том, что поручик больше меня ничем не потревожит. Так значит, всё ж дрались, Илья Петрович? Зачем же вы так рисковали, граф?

Прошу вас, Илья Петрович, настоятельно, сходите к доктору, надобно убедиться в безопасности вашего ранения. Желаю вам скорого выздоровления.

И только я хотела распрощаться с вами, граф, как тут вбежала Глашенька и сообщила, что Ольга Александровна с Зинаидой Александровной пожаловали, а с ними два неизвестных господина.

Я незамедлительно спустилась, к ним навстречу, решив дописать письмо, позже, когда уедут гости мои.

Вот и вернулась я, и тут же за письмо, ответ дописать, и поверьте есть мне, что поведать вам, Илья Петрович, столько всякого случилось.

Как писала я выше, пожаловали ко мне приятельницы, вы их знаете, как выяснилось и молодых людей так же, они являются приятелями вашими, граф, что меня удивило и обрадовало.

У вас, Илья Петрович, возник, я так думаю, вопрос: Кто это может быть? Не буду вас мучить – это граф Николай Иванович и граф Василий Анатольевич, ростом и могучестью они подстать вам, Илья Петрович.

При появлении приятельниц и двух господ вывело мой дом из спокойствия. Послышались громкие голоса и веселый смех, что мне пришлось по сердцу, ибо я пребывала в уныние и в воспоминаниях о произошедшем накануне. А также была в сожалениях о моём опрометчивом поступке, за который мне стыдно, жутко, как только подумаю, что могло случиться непоправимое.

Спасибо Глашеньке, и только это спасёт её, от сослания на конюшню, хотя и виновата она, в том что, когда вы появились в моей спальне, тайно, ночью, не разбудила меня, не поставила в известность.

Ну, так ладно, отвлеклась немного. Глашенька стол накрыла, под нашей с вами яблонькой, чай попить, беседу там вести, а тут как раз Иван Иванович с Настасьей Павловной

пожаловали, вас только с нами не было, жалость какая.

Тут мы с Иваном Ивановичем вчерашнее то и вспомнили, пришлось мне рассказать, что было в театре, и о продолжение, когда он отъехать изволил.

Что тут началось все гневаться стали, мужчины собрались на дуэль вызвать негодяя, но я им рассказала о ваших действиях, что обидчик наказан, только тогда все немного успокоились, но ещё долго звучали слова возмущения и сочувствия мне.

Попив чай, мы всей доброй компанией пошли в парк, где повстречали поручика, было видно, что несладко ему: рука перевязана, под глазом синяк, хорошо ему досталось от вас, Илья Петрович.

Николай Иванович и Василий Анатольевич с Иваном Ивановичем хотели подойти к нему, но он опередил, наглец такой, и прямо ко мне так и направился.

Но господа защитники мои, преградили ему дорогу, сказав ему, чтоб убирался, и пообещали, что встретятся с ним, когда барышень не будет рядом.

Поручику ничего не оставалось, как удалиться, но на про-

щанье он так посмотрел на меня, что я поняла, встреча с ним не последняя.

Это происшествие всем испортило настроение, и, проводив меня, домой, все разъехались.

И ещё мне страшно за приятелей наших, вдруг исполнят обещание и встретятся с поручиком. Кабы беды не случилось.

Вот на этом прощаюсь с вами граф, Илья Петрович.

Один вопрос: Зачем через окно? Коли есть дверь. И как это вы смогли позволить себе?

Мила Марковна.

Письмо девятое

Здравствуйте, граф Илья Петрович, получила ваше послание, однако скоренько оно прибыло, трех дней не прошло, как письмо отправлено было вам.

Мне думается, что вы, где-то рядом, может и не уехали вовсе, а это значит – рана небезопасна, хотя и уверяете, что всё хорошо и чувствуете себя здоровым, в чём я теперь сомневаюсь, и с каждой минутой все более, и более.

Признайтесь, Илья Петрович, что с вами? Понимаю, не хотите огорчить и беспокоить меня, поверьте, я уже в мыслях своих всякое думаю, чудится мне что вы в опасности, и эта неизвестность губительна для меня, места себе не нахожу от тревоги и волнении за вас.

Также вы просите прощения за то, что через окно, а не через двери посетили меня ночью, опасаясь поднять шум, так как слуги мои могли учинить скандал, при таком неожиданном и необычном, вашем появлении, что могло потревожить меня, а для вас это совсем нежелательно было.

Что благодарны вы невероятно, приятелям своим: графу Николаю Ивановичу и графу Василию Анатольевичу,

а так же князю Ивану Ивановичу, что оказались рядом и дали отпор поручику при встрече с ним в парке.

И возмущены вы очень его наглой выходкой, и смелостью подлеца приблизиться ко мне, и это после того, как оскорбил своим поведением барышню безвинную.

Вчера приходили Настасья Павловна с Иваном Ивановичем, что-то больно уж веселы, какая-то неестественна их веселость, или мне показалось?

Иван Иванович, как-то боком ходит, будто что-то у него болит, а когда они думают, что не смотрю на них, шепчутся. Тревожно так, что беспокойство охватило душу мою, решила расспросить, но ничего я не узнала. Улыбаются, а улыбки такие странные, большие похожие на гримасы.

Пошла я на хитрость, сделала вид, что ушла, а сама за ширмочку то и спряталась. Слышу: затаенно от меня шепчутся, слов не разобрать, только и поняла, что стрельба была, кто-то ранен, сердце моё забеспокоилось, да так сильно, что дышать стало трудно. Трудно мне стало таиться.

Да и долго так не могло продолжаться, вышла я из-за ширмочки. Друзья мои смутились, глазами стараются

не моргать и смотрят так открыто, словно ничего тайного от меня не скрывают. Да я-то чувствовала, что тайна какая-то от меня скрыта.

Увидев меня в расстроенных чувствах, стали успокаивать: «Не беспокойтесь, Мила Марковна, ничего страшного не произошло».

– Но, как же не произошло? – спросила я дрожащим голосом, ибо нервы мои были на пределе, вот-вот готова была расплакаться от неизвестности, и предчувствии беды, терзаемых душу мою.

Не считайте Ивана Ивановича предателем, что раскрыл он правду мне, о которой вы просили не сказывать, умолчать.

– Но, как же так? – спрашиваю я вас, – как можно вам, не оправившемуся от прошлого ранения, опять драться? Ещё и на шпагах?

Какой опасности вы с Николаем Ивановичем, с Василием Анатольевичем и Иваном Ивановичем подвергли себя, это было неблагоразумно, зная о подлости поручика, вызвать его на дуэль.

Как хорошо, что друзья были у вас в секундантах. Не предполагали они, что будут драться и, что окажутся в меньшинстве, ибо, как сказывал князь, поручик пришёл с друзьями, крайне враждебно настроенными.

Что напали они неожиданно, словно злодеи какие, вы едва успели шпаги обнажить и не знаю, что могло произойти, даже страшно подумать, Илья Петрович, если бы уже раненый Иван Иванович, не остановил их выстрелом в воздух из пистолета, а другой направил на поручика.

И душегубам этим ничего не оставалось делать, как удалиться, вот, что поведал мне мой друг и опекун Иван Иванович, так же мне сообщил, что вы уехали в N, что меня сильно огорчает и радует в это же время.

Что вы, граф, на этот раз не получили никакого ранения и приятели ваши Николай Иванович и Василий Анатольевич, храбро сражавшиеся вместе с вами живы и здоровы, и это несказанно меня радует, огорчение доставляет Иван Иванович, ранение сильно беспокоит его, бледный очень. Настасья Павловна ни на минуту его не оставляет...

От маменьки пришло письмо, она как раз в том же городе N, в который вы соизволили отъехать, сообщает мне, что будет грандиозный бал у Чиглинцевых, через две недели, могу

сообщить вам, что мы приглашены.

Так же маменька, просит, чтобы Иван Иванович с Настасьей Павловной сопровождали меня в N, и не забыли взять с собой Глашеньку и Гришку, для безопасности в пути.

Маменька также отписала в своём послании, якобы в городе ходят слухи о появлении в округе одного шайки, которая злодейски нападает на честных граждан, грабит, и есть случаи убийства, а некоторые осмеливаются отпор дать негодяям, избегают злой участи, а иногда и вовсе гибели.

Маменька очень обеспокоенна, моим столь далеким путешествием, всё – таки в дороге придётся провести почти шесть часов.

Иван Иванович обещал переговорить с Николаем Ивановичем и Василием Анатольевичем присоединиться к нам в дорогу, если приятели ваши согласятся, тогда будем писать маменьке, чтобы и им приглашения достала на бал, и, конечно же, и Ольге Александровне, и Зинаиде Александровне приятельницам моим.

На этом прощаюсь с вами, любезный граф Илья Петрович, желаю вам скорого выздоровления. Может, свидимся

совсем скоро.

Мила Марковна.

Письмо десятое

Здравствуйте, Илья Петрович.

Господи, как долго тянулось время, почти пять дней. Как тягостны были минуты ожидания письма, и наконец, я получила от вас, Илья Петрович, столь долгожданное послание, нельзя же так тянуть с ответом. Я беспокоилась о вас.

И не напрасны, думается, волнения были мои, хотя сообщаете вы мне, что здоровы и рана не беспокоит, и отлегли бы от сердца моего горькие предчувствия, если бы не пожаловала ваша приятельница Татьяна Сергеевна.

Велико же было моё изумления при появлении этой жемчужины, и это притом, что она являлась вашей, всем известно, любовницей, знала она, что и мне так же ведомы ваши с ней благорасположения, и все же осмелилась переступить порог дома моего.

Возмущение было моё велико, но до тех пор, пока не открыла она мне тайну, покрывавшую ваше přátельство.

А заключалась она в том, что вы просто помогали Татьяне Сергеевне вызвать ревность возлюбленного её, так

как они пребывали, на тот момент, в ссоре, и она именно с ним повстречалась нам на набережной, в тот роковой для меня вечер, вечер знакомства с поручиком.

Также Татьяна Сергеевна объяснила своё поведение на набережной, ведь тогда ещё хотела всё сказать, что это просто была игра, которая вызвала между нами недоразумения, и принесла столько огорчений.

И покаялась в том, что втянула вас в свою авантюру, и вины вашей нет никакой, так как она умоляла и убеждала, что непременно должны ей помочь и даже слезу пустила, зная, что вы не терпите женских слёз, и вам ничего не оставалось, как уступить её просьбе, и к тому же, настойчивой.

Мое сердце смягчилось, и такой мир поселился в душе, от того, что не зря всё-таки поверила вам, Илья Петрович, и ваши уверения в верности мне, подтвердила Татьяна Сергеевна. Великое ей спасибо, рассеяла она, окончательно, все сомнения терзавшие меня.

И тут же упрекнула меня в опрометчивости моего посещения, без опекуна, театра, не преминув при этом заметить мне, что если бы не Иван Иванович, неизвестно, что со мной случилось бы.

Поведала она мне, что вы меня обманули, и рана вам принесла сильное нездоровье. Зачем же вы, Илья Петрович, скрыли от меня это?

При прощании со мной Татьяна Сергеевна, видя моё волнение, поспешила уверить, что не стоит сейчас беспокоиться, ибо вы пошли на поправку. Рана уже не так сильно беспокоит вас, и вы собираетесь выехать ко мне навстречу, тревожась за мою безопасность в пути.

Уверяю – вам не о чем волноваться, через пять дней мы выезжаем и притом, всей нашей дружной компанией.

Маменька таки достала пригласительные билеты на бал всем нашим приятелям и приятельницам, не буду перечислять кто поедет ибо уже сообщала вам. Все сейчас срочно готовятся к отъезду.

За меня прошу, не тревожиться, хотя поручика и видели пару раз возле моего дома, попыток встретиться со мной он не предпринимал.

Иногда странные и подозрительно любопытные люди появляются и через палисадник заглядывают, но собаки отгоняют их громким лаем.

Гришка постоянно около меня находится. Не представляете, как забавно он выглядит, важный такой из себя, топор за пояс заткнул с одной стороны, пистолет с другой, а в руках, не поверите шпага, Николай Иванович подарил.

Приказал беречь барышню, пуще своей жизни иначе лишит его самого белого света.

А пистолетом одарил Гришку, Василий Анатольевич. Видели бы вы, как он его учил стрелять по бутылкам, но конюх наш всё мимо – да мимо. Вот граф и не выдержал. Терпенье лопнуло, выругался как-то замысловато, вдруг повернулся неожиданно, увидев меня, изменился в лице, видно понял, что при барышнях выражения такие надо бы забыть, но я сделала вид, что не слышала, отвернулась.

Илья Петрович, вы теперь видите, я в безопасности и не стоит вам тревожиться за меня, и желаю вам скорого выздоровления.

И прошу вас, поберегите себя, не надо вам выезжать мне навстречу, вы ещё не окрепли, чтобы пускаться в столь долгое путешествие.

На этом с вами прощаюсь, граф..

Мила Марковна.

Письмо одиннадцатое

Здравствуйте, Илья Петрович

Пишу вам в смятении чувств и в страхе душа моя трепещет. Со мной случилась пренеприятнейшая оказия, ибо все произошедшее и предчувствие, что ещё худшее может совершиться, держит меня, как в тисках неизбежности.

Так вот, я пребывала в самом наилучшем настроении, отдыхая в кресле, под пушистыми ветвями яблони, которые окружали, и словно защищая меня от чего-то: скверного и нежелательного. Легкий ветерок играл моими кудряшками, перебирал и укладывал в тот порядок, какой ему больше нравился. Сначала я боролась с ним, но игрун был непобедим и, в конце концов, я смирилась. Рядом на столе, в клетке соловушка заливался, развлекал меня, головку на бочок, хитрые глазки на меня так и направлял. В ногах собаки прилегли, они теперь неотступно за мной следуют, вот и сейчас рядом расположились. И вдруг безмятежность исчезла.

Собаки взволновались, вскочили и молча, уставились в сторону палисадника, в тишине голоса слышались, спорили кто-то, приглушенно так, тайно переговаривались.

Решила я услышать, не хорошо чужие беседы подслуши-

вать, но искушение было слишком велико, чтобы отказаться от этого действия, и не зря поверьте, граф.

Пройдя через сад, спряталась я за кустами роз, росших вдоль палисадника, услышала, что спорили мужчина и женщина. Безладица между ними.

Мне показалось, что я слышала раньше эти голоса, и, преодолевая боязнь быть увиденной, выглянула, и каково же мое изумление было, я узнала говорящих – это известные вам люди Татьяна Сергеевна и поручик.

Узнала я тайну страшную, как для меня, так и для вас, Илья Петрович, в сговоре были наши знакомые. Была у них цель симпатию, возникшую между нами разрушить, разлучить пытались.

Слышала, как Татьяна Сергеевна вскрикнула громко, но поручик зашипел на неё словно змея:

– Что расшумелась? Услышат...

Она ему в ответ и говорит:

– Оставь княжну в покое, договор расторгнут!...

А поручик:

– Может, и расторгнут, но не для меня!...

(Простите, дальше не расслышала).

Татьяна Сергеевна ему опять, в голосе гнев слышится:

– Не отступитесь, графу расскажу...

Поручик схватил Татьяну Сергеевну, к себе привлек, да так грубо, что та вскрикнула, а он не обращая внимания, глядя в её испуганные глаза, и прошепел:

– Расскажите? Только осмелитесь! Убью!

Татьяна Сергеевна оттолкнула поручика и по щеке то, и ударила, выкрикнула в гневе:

– Негодай! – и тут же убежала.

А поручик с ухмылкой на лице вдруг повернулся в мою сторону, едва успела я присесть, укрыться за палисадом.

И не знаю, что произошло бы, если бы он меня увидел. От мысли такой сердце мое заволновалось, какое коварство людское открылось мне сегодня.

Поручик, постояв немного ушёл, злодей, сколько в нем плохого, недозволительно ужасного, грязного.

Вернувшись под яблоньку, я просто упала без сил в кресло.

Сидела в раздумьях о произошедшем, лишь радовало одно, Татьяна Сергеевна одумалась и отказалась от подлости такой, но поручик не отказался, вопрос у меня возник: Что делать? Как избежать негодяя?

Илья Петрович, Глашенька с докладом ко мне прибежала, рассказывает – приехать изволили: Настасья Павловна, Ольга Александровна и Зинаида Александровна, потом допишу вам ответ на ваше послание.

Тороплюсь, граф, сообщить пренеприятнейшую историю, как я вам уже писала: пожаловали ко мне приятельницы и пребывали они в горести и растерянности.

Получили они записочки утром сего дня от Ивана Ивановича, Николая Ивановича и Василия Анатольевич, в которых сообщалось, чтобы ехали ко мне одни, ибо у них дела, требующие безотлагательного действия.

И пропали, вестей от них уже много часов нет. Волнуемся мы очень, предположения разные рассказываем, и думается

всякое.

И то, что поручика разыскивают, и еще одно, не к вам ли навстречу, направили они коней своих?

Подозрение моё сильное, ибо в письме мне пишете, что ответ следует передать вашим слугам, что подтверждает мое недоверие к вашим словам, что якобы в постели и, как-то очень настойчиво в этом убеждаете.

Признайтесь голубчик, Илья Петрович, сердце моё очень волнуется, и беспокоюсь я о вас безмерно.

На этом с Вами прощаюсь, граф.

Мила Марковна.

Письмо двенадцатое

Здравствуйте, Илья Петрович.

Пишу вам и чувства мои разные: тревога и недовольство, смятение и обеспокоенность, недоверие и мрачные предчувствия и в то же время, глубокая уверенность в то, что всё будет благополучно.

И тут же вопрос терзает меня: Как же благополучно коли всё так зыбко и безрадостно?

За эти несколько дней, после того, как вы не пожаловали на чай, и когда вас лицеизрели на балу с Татьяной Сергеевной, произошло столько огорчительных событий.

Утром сего дня прибыло мне послание от Татьяны Сергеевны, в нём она винилась в тех нечестивых замыслах, которые хотела и почти что совершила при помощи поручика. Так же она неложно каялась и сказывала, что ее побудило к этим действиям, эта вестъ привела меня в сильное волнение, и повергло в крайнее изумление.

Как можно во имя любви к вам, граф, пойти на такой злодейский поступок?

Я в замешательстве и потрясена очень.

Каким образом могло такое придуматься, этой хорошенькой женищине? Помните, она вас молила помочь, вызвать ревность у её возлюбленного?

Так вот, когда вы с ней приступили к выполнению её безумной затеи, Татьяна Сергеевна вдруг поняла, что полюбила вас искренне. Чувства её были так сильны, что не смогла совладать с собой и своей ревностью. Так как вы дали ей понять, чувств к ней не имеете и, сердце ваше принадлежит другой.

Тут-то и созрела в её голове коварная задумка разлучить нас и скомпрометировать меня, с помощью всё того же поручика. Но у негодяя ничего не вышло из-за Глашеньки, которая спасла меня от позора.

Как же мне повезло, что она оказалась такой смелой и отважной, огреть человека тяжёленным сотейником не каждый решится.

И это событие разгневало подлеца, так, что он отказывает теперь в просьбе Татьяны Сергеевны, отступить от выполнения плана и договора состоявшегося между ними и при этом угрожает ей убийством, если она нам об этом

объявит.

Татьяна Сергеевна видя, что сотворила и, что поставила нас в опаснейшее положение, очень раскаялась и решила предупредить меня об опасности. Так же просит прощения слёзно, и так же чтобы я поставила вас в известность о коварных и злых намерениях поручика. Так же Татьяна Сергеевна сообщила, под страхом быть убитой, тайно, что поручик главарь шайки орудующей в округе N, что он очень умен, хитер и жесток, и советует нам его опасаться, и принять меры предосторожности.

На этом она со мной распрощалась.

Я уже заканчивала писать вам письмо, как вдруг я услышала громкий лай собак, возмущенный возглас женщины и приглушенные голоса мужчин.

Выйдя из дома, я прошла к воротам, где пришла в изумление и не понимание происходящего.

Как вы знаете, до бала осталось всего четыре дня.

Так вот ко мне пожаловала дальняя родственница Елена Николаевна с моим бальным платьем, чтобы произвести последнюю примерку, но почему-то, какие-то люди, не про-

пускают её.

Когда я их спросила, по какому праву, они здесь распоряжаются, то получила ответ, который ввёл меня не только в удивленное состояние, но и вызвал возмущение:

— Не велено.

— Кем не велено? — Спросила я.

— Графом Муromцевым.

Приказание изволили дать вы, граф? Значит вы всё-таки здесь?

Я хочу вас спросить:— Как вы можете себе позволить распоряжаться моею жизнью и решать за меня, кого принимать, кого нет?

Лишь только об одном думается мне, что вы беспокоитесь о моей безопасности, и только эта причина оправдывает ваши указания.

Верно, ли я предполагаю? Скажите мне, Илья Петрович.

Отправила Глашеньку с письмом к вам, опять недоразу-

мение вышло.

Не выпустили её, и только тогда она вышла за ворота, когда переговорив с вашими людьми, пришли к одному истинному решению, что пойдёт она только в сопровождении.

Я вас очень прошу – разрешить безотлагательно ситуацию, ибо Елена Николаевна ждёт в карете, за воротами, не имея возможности попасть ко мне в дом.

Княжна М. М.

Письмо тринадцатое

Здравствуйте, Илья Петрович.

Искренне удивлена и озабочена, узнав о происходящих, в вашем доме, событиях о, которых нам поведала Глашенька, по возвращению от вас.

И пока мы с Еленой Николаевной пили чай с медом, ибо он, как вы знаете, приносит не только сладость и аромат, но и успокоение.

День сегодняшний начался на удивление с волнительных событий, которые привели нас с Еленой Николаевной к излишней нервозности.

Выпив успокоительного и сев за накрытый стол к чаю, под яблонькой, слушая пение соловушки и чириканье воробышки вторящему нашему певцу, мы получили истинное наслаждение от чаепития.

Глашенька сказывала, что по прибытии к вам, граф, в дом ваш не попала, не пустил Васька и сказал, что, мол, сиятельство не велело никого впускать и на том, взяв письмо, скрылся за дверями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.